

3. Халецкий, В.А. Архитектурные водно-дисперсионные лакокрасочные краски для наружных работ / В.А. Халецкий, Э.А. Тур // Менделеевские чтения 2011 г.: сб. науч. статей межвузовской науч.-метод. конф., Брест, 25 февраля 2011 г.; под общ. ред. Н.С. Ступень. – Брест: БрГУ, 2010. – С. 93-96.

4. Халецкий, В.А. Исследование влияния модификации акриловых пленкообразователей на свойства лакокрасочных материалов / В.А. Халецкий, В.Н. Панагушин // Вестник Брестского государственного технического университета. – 2003. – №2: Возобновляемое строительство, теплоэнергетика, экология. – С.81–83.

5. Материалы лакокрасочные фасадные. Общие технические требования. Методы испытаний: СТБ 1197–2008. – Введ. 01.01.2009. – Минск: Госстандарт, 2008. – 9 с.

УДК 1+574:001

ЭКОАНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИЙ ПОДХОД КАК СРЕДСТВО ПРЕОДОЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ¹

Цепаев С.П., Дашкевич Д.Н.

Учреждение образования «Брестский государственный технический университет», г. Брест, Республика Беларусь, seraevsp@tut.by

Manufacture of risks. Technological and social interpretation of risks. The institutional system does not contain growth of risks. The basic ways of regulation of forms of display of risks.

Введение

Для потребностей общественной практики недостаточно мнения населения о возможных опасностях. Следует выяснить те процессы, которые развиваются на основе этого состояния, каковы их направленность и перспективы. Именно поэтому реакция общества, его институтов на появление и распространение рисков, формирующихся в ходе социальных изменений, угрожающих жизни общества и жизни природы, к настоящему времени оказалась в центре исследовательского внимания, пришло понимание того, что результаты рисков современной модернизации проявятся лишь в будущем.

Основная часть

Критическое состояние социальной системы наступает тогда, когда производство рисков становится доминирующим и сопровождается соответствующей трансформацией социальных институтов и норм, а также утратой контроля над социально-значимыми процессами. Реакции на опасности носят опосредованный и отдаленный во времени характер и порождают их общественно значимыми последствиями. Для оценки состояния напряженности в литературе предлагаются следующие стадии: стадия отсутствия напряженности, фиксирующая сбалансированность условий и требований, а также намерений и ожиданий социального субъекта; начальная (диффузная) стадия, для которой свойственно состояние общественного сознания, сопровождающееся оценкой ситуации как вызывающей дискомфорт жизненных условий; стадия

---

¹ Работа выполнена в рамках Государственной программы научных исследований на 2011-2015 год «Научное обеспечение безопасности и защиты от чрезвычайных ситуаций 2015» (Подпрограмма «Снижение рисков чрезвычайных ситуаций 2015»)

явной напряженности, для которой характерно сознание экологической рискогенной ситуации, реально угрожающей интересам социального субъекта, появление признаков готовности противостоять нежелательным изменениям; стадия конфликта, на которой завершается осознание социальным субъектом глубокого несоответствия сложившейся ситуации его ценностям и интересам, появляется готовность устранить данное несоответствие путем социального столкновения, предпринимаются целенаправленные конфликтные действия и т.п. Причем конфликт не является совершенно самостоятельным феноменом, а представляет собой последнюю, но наиболее острую стадию становления напряженности, выражающей кризисную ситуацию. [Подробнее см. 1]. Причем «Реальное влияние этой ситуации на население, социально-экономическую и социально-политическую обстановку в стране (регионе) не может быть оценено исключительно при помощи характеристик текущего состояния окружающей среды без применения социально-экономических подходов» [2].

Обычно риски делятся на два типа: мега-риски, имеющие глобальные последствия, затрагивающие всю среду жизни человека (такие, как Чернобыль, современные войны); риски «повседневные», (такие, например, как накопление бытовых отходов, индустриальное и транспортное загрязнение).

В последние годы произошел сдвиг от «технологической» риск-рефлексивности в сторону социальной и политической интерпретации проблемы. Кризис есть реализация рисков, это общественное состояние, риск же процессуальная характеристика деятельности. Сбои в нормативных системах имманентно содержат в себе риск в нераскрытом виде, в качестве подчиненного момента или косвенного результата. Грань между нормой и отклонением становится все более относительной, более того, когда отклонение становится нормой, понятие риска теряет свой смысл и значение, причем в настоящее время объемы рисков возрастают, а нормативная устойчивость социальных систем уменьшается. Система норм и институтов перестала сдерживать риски. Более того, она стала их провоцировать, влияние старых и формирование новых институционально рискогенных систем стало усиливаться. Девиантные, отклоняющиеся системы стали подчинять своим интересам те структуры, которые сохранились от прежних времен, используя ресурсы, доставшиеся в ходе модернизации.

Уже общепризнано, что предпосылками формирования «общества всеобщего риска» могут быть: 1) отсутствие в нем, прежде всего, в его профессиональной культуре и научном познании, риск-рефлексии как постоянного анализа социальной и природной цены собственной деятельности; 2) пренебрежение к институционализации риск-рефлексии, то есть к необходимости затрачивать всевозрастающую часть материальных и интеллектуальных ресурсов общества на создание «риск-порядка», понимаемого как встроенный в процесс общественного производства нормативно-ценностный регулятор, ограничивающий его рискогенность; 3) стирание границы между социальной нормой и патологией, примирение с риском как неизбежным условием человеческого существования в «переходный» период» [3]. Первая свидетельствует об уменьшении культурного ресурса, требуемого для того, чтобы адаптироваться к изменившимся условиям его существования. Вторая требует всеобъемлющей институционализации риск-рефлексии, перехода к взаимным институционально закрепленным самоограничениям (запретам). Третья гово-

рит о дестабилизации некоторого всеобщего основания самосохраняющего поведения человека и общества, в обществе всеобщего риска – равновесие смещается в сторону производства рисков, а не благ.

Сознание социальных субъектов сопротивляется принятию актуальности проблемы риска. Для нормативной системы принятие «риск- императива» означает базисные преобразования, а значит, системные институционные изменения, чего в настоящее время не происходит.

В настоящее время усилиями ряда авторов складывается парадигма, которую предполагается назвать "экоантропоцентрической", исходящая из того, что социальные императивы являются призмой, в которой опредмечиваются процессы, фиксирующие многообразие связей и отношений (нормативно закрепляемых) в социоприродных системах. Поэтому при применении данной парадигмы необходимо прежде всего исследовать не стороны социоприродных систем (человека и среду обитания), а те нормативно опосредованные связи, которые возникают и функционируют между ними [см. 4].

В экоантропоцентрической парадигме социального синтеза и социально-го познания изначальны не группы с предписанным им сознанием и деятельностью, а конкретные субъекты (индивидуальные или совокупные), которые осуществляют определенный нормативный выбор (свободно или под давлением) и в итоге образуют некоторые общности, характеризующиеся ментальностью и интенциональностью, фиксируемые складывающейся парадигмой, способной оказывать обратное влияние на процесс формирования и самоопределения социальных субъектов и их отношения к рискам. В сферу исследовательского внимания попадают интенции, лежащие в основе формирования норм и институтов, определяющих схемы деятельности, общения и поведения, касающиеся как отношений внутри субъектов так и их связи со средой. Тем самым человек вносит в окружающий его мир состояние и направленность своего сознания. Начинает работать механизм интерференции личностных и экосоциокультурных детерминант, определяющих форму связи человека со средой.

В ходе социальной коммуникации в институционально оформленную систему отношений "втягивается" множество субъектов – носителей разных субкультур и разных типов знания, формирующих своеобразные тексты и контексты отношений. Содержание каждого текста специфично. У его истоков – личность, определенным образом включенная в парадигму, но уровень ее социокультурной субъективности в системе связей существенным образом влияет на текстуальность и контекстуальность отношений. Нормативные и институциональные требования и императивы, имеющие характер ограничителей социального выбора, включаются в многоуровневый комплекс разнообразной деятельности, нормативно формирующей социоприродную систему в ее глобальном и локальном аспектах. Являясь итогом нормотворчества, названные императивы в конечном итоге начинают диктовать содержание норм и институтов, регламентирующих все компоненты структуры жизнедеятельности на любом ее уровне. Такие нормы и правила могут носить как контекстуальный, так и явно выраженный и даже формализованный характер, предполагая разнообразные способы социального регулирования и формы проявления рисков [см. 5].

Заключение

Несомненно, что экоантропоцентрическая парадигма социального познания и нормативной интерпретации экологического знания, определяющего

дели деятельности, открывает новые возможности для концептуального описания реальности, регулирования социальных процессов и снятия возможных рисков.

Список цитированных источников

1. Сосунова, И.А. Социально-экологическая напряженность: методология и методика оценки // Социологические исследования. – 2005. – № 7. – С. 94–103.
2. Яницкий, О.Н. Россия как экосистема / О.Н. Яницкий // Социологические исследования. – 2005. – № 7. – С. 84 и след.
3. Яницкий, О.Н. Экологическая социология как риск-рефлексия / О.Н. Яницкий // Социологические исследования. – 1999. – № 6. – С. 50–65.
4. Дридзе, Т.М. На пороге экوانтропоцентрической социологии / Т.М. Дридзе // Общественные науки и современность. – 1994. – № 4. – С. 97–103.
5. Дридзе, Т.М. Экوانтропоцентрическая парадигма в социальном познании и социальном управлении / Т.М. Дридзе // Человек. – 1998. – № 2. – С. 95–97.

УДК 1+574:001

НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ И РИСКИ: ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ²

Цепаев С.П., Цепаева Н.С.

Учреждение образования «Брестский государственный технический университет», г. Брест, Республика Беларусь, cepaevsp@tut.by

Problem of safety and its aspects. Risk and uncertainty. The basic interpretations of risk and uncertainty. The basic concepts of risk. A problem of management of risks. An estimation of risks.

Введение

Проблема безопасности к настоящему времени закономерно находится в центре внимания, это обусловлено приоритетностью прав и интересов человека и проблем обеспечения государственной (национальной) безопасности. В условиях постсоветского пространства проблемы человека исследуются и практически решаются в рамках государственной или социальной безопасности. Очевидно, что необходимо смещение акцентов в трактовке безопасности в сторону человеческого развития, последнее введено в оборот Программой развития ООН (ПРООН) в 1990 году, а с 1999 года в рамках этой программы была поставлена задача обеспечения понимания того, что развитие должно служить интересам человека и раскрытию его возможностей. В соответствии с этой программой развитие человека – это процесс расширения свободы, причем развитие не тождественно экономическому росту, которое есть лишь средство решения задач в сфере развития человека.

Однако расширение свободы выбора своими основаниями и следствиями имеет усиление разнообразия видов деятельности, а следовательно, и рисков

---

²Работа выполнена в рамках Государственной программы научных исследований на 2011-2015 год «Научное обеспечение безопасности и защиты от чрезвычайных ситуаций 2015» (Подпрограмма «Снижение рисков чрезвычайных ситуаций 2015»)